

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЭТНОЛИНГВИСТИКА LEXICAL SEMANTICS AND ETHNOLINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.045-056>
<https://elibrary.ru/aqvubr>

УДК / UDC 81:39:811.511.112:811.511.115

Оригинальная статья / Original article

Номинации христианина и человека в вепском и карельском языках

Д. Ю. Баландин^{1,2}, Т. В. Пашкова¹ ✉¹ *Петрозаводский государственный университет, <https://ror.org/0176aa147>*² *Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Российская Федерация, <https://ror.org/05wgt8358>*✉ tvpashkova05@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения отраженных в языке глубинных процессов трансформации культурного самосознания вепсов и карелов под влиянием многовековой христианизации. До сих пор отсутствует комплексный сопоставительный анализ лексем «христианин» и «человек» в вепском и карельском языках, не изучалось явление расширения семантики религиозной номинации до общеупотребительного значения. Цель исследования – установить соотношение указанных номинаций и выявить характер семантической трансформации, в результате которой религиозное наименование закрепилось в качестве общего обозначения человека.

Материалы и методы. Работа опирается на данные переводных, диалектных и этимологических словарей с привлечением примеров из публицистических, художественных и духовных текстов. В исследовании использовались описательный, лексикографический и компаративный методы, а также процедуры семантического, словообразовательного и этимологического анализа. Описательный метод позволил охарактеризовать собранный языковой материал, лексикографический – систематизировать лексемы и выявить их значения и варианты, компаративный – сопоставить обнаруженные номинации в родственных языках, наречиях и диалектах. Семантический анализ способствовал выявлению расширения значения исследуемых слов, словообразовательный – определению морфологической структуры лексем и способов их деривации, этимологический – установлению происхождения номинаций.

Результаты исследования и их обсуждение. В вепском языке центральной лексемой, обозначающей христианина и человека вообще, выступает *ristit* (диалектный вариант – *kristit*). На синхронном уровне наблюдается расширение основного значения слова ('христианин' → 'человек вообще'). В карельском языке номинации христианина и человека представлены полисемантической лексемой *henki / hengi / heng* ('дыхание', 'дух, душа, сердце', 'христианин, человек', 'жизнь'), субстантивированным пассивным причастием *rissitetty / ris't'ittü / rissitty* и композитами *rissittyhenki / rissittyhengi / ris's'it't'yhengi* (букв. крещеный человек), *ristikansa / ristikanza / ristikanza / ristikanzu / ristikanzo / ristikanz / ristikanze* (рус. крещеный человек, крещеный народ; на синхронном уровне – человек). Анализ текстов XIX в. демонстрирует, что слова *ristikanzu / ristikanza* изначально имели четкую религиозную коннотацию, однако в современных контекстах их значение находится в процессе смещения к обобщенному 'человек' или 'народ'.

Заключение. Результаты проведенного анализа указывают на затемнение религиозной семантики и расширение основного значения некоторых обозначающих христианина лексем: помимо собственно христианина (крещеного человека), они стали обозначать человека вообще. Частичная дестимологизация лексем и их переход в общеупотребительную лексику, вероятно, свидетельствуют о глубокой интеграции христианских идей в повседневную жизнь вепсов и карелов, а также о трансформации их языковой картины мира под влиянием русской религиозной среды и исторических факторов. Исследование вносит

© Баландин Д. Ю., Пашкова Т. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

вклад в изучение исторической трансформации и функционирования некоторых элементов языковой картины мира карелов и вепсов, результаты работы могут привлекаться для дальнейших исследований духовной культуры указанных народов, использоваться при разработке курсов по лексикологии, диалектологии.

Ключевые слова: карельский язык, вепсский язык, номинация, христианин, человек, семантика, морфологическая деривация, этимология, языковая картина мира

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук № 125032004283-0 «Духовные традиции народов Карелии: тексты и контексты», а также при поддержке Фонда Потанина.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Баландин Д.Ю., Пашкова Т.В. Номинации христианина и человека в вепском и карельском языках. *Финно-угорский мир*. 2026;18(1):45–56. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.045-056>

Lexical Representations of “Christian” and “Human” in the Vepsian and Karelian Languages

D. Yu. Balandin ^{a, b}, T. V. Pashkova ^a ✉

^a *Petrozavodsk State University*, <https://ror.org/0176aa147>

^b *Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation*, <https://ror.org/05wgt8358>

✉ tvpashkova05@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this research stems from the need to examine the underlying processes of transformation in the cultural identity of the Vepsians and Karelians under the influence of centuries of Christianization, as reflected in their languages. So far, no detailed comparison has been made of the words for “Christian” and “human” in the Vepsian and Karelian languages. In addition, researchers have not yet studied how a religious word can take on a broader, everyday meaning over time. The aim of this research is to establish the relationship between these terms and to identify the nature of the semantic transformation that resulted in a religious designation becoming the standard term for a human being.

Materials and Methods. This study draws on data from translation, dialectal, and etymological dictionaries, incorporating examples from journalistic, literary, and spiritual texts. The research employs descriptive, lexicographic, and comparative methods, along with procedures of semantic, derivational, and etymological analysis. The descriptive method made it possible to characterize the collected linguistic material; the lexicographic method enabled the systematization of lexemes and the identification of their meanings and variants; and the comparative method facilitated the comparison of the identified nominations across related languages, vernaculars, and dialects. Semantic analysis contributed to revealing the semantic expansion of the words under study, derivational analysis helped determine the morphological structure of the lexemes and their modes of derivation, and etymological analysis established the origin of the nominations.

Results and Discussion. In the Vepsian language, the central lexeme denoting both a Christian and a human being in general is *ristit* (with the dialectal variant *kristit*). At the synchronic level, a semantic broadening can be observed, moving from the core meaning of ‘Christian’ towards the generalized sense of ‘human being’. In the Karelian language, the concepts of Christian and human are represented by several linguistic forms. These include the polysemantic lexeme *henki / hengi / heng* (encompassing the meanings ‘breath’, ‘spirit, soul, heart’, ‘Christian, human’, and ‘life’), the substantivized passive participle *rissitetty / ris’t’ittü / rissitty*, and the compounds *rissittyhenki / rissittyhengi / ris’s’it’t’yhengi* (lit. ‘baptized person’) and *ristikansa / ristikanza / ristikanza / ristikanzu / ristikanzo / ristikanz / ristikanze* (lit. ‘baptized person, baptized people’; at the synchronic level, simply ‘human being’). An analysis of 19th-century texts reveals that the words *ristikanzu / ristikanza* initially carried a distinctly religious connotation. However, in contemporary usage, their meaning is undergoing a process of semantic shift towards the generalized notions of ‘human being’ or ‘people’.

Conclusions. The results of the analysis indicate a semantic bleaching of religious connotations and an expansion of the core meaning of several lexemes denoting a Christian: in addition to referring specifically to a Christian (a baptized person), they have come to denote a human being in general. The partial de-etymologization of these lexemes and their transition into common vocabulary likely attest to the profound integration of Christian ideas into the everyday life of the Vepsians and Karelians, as well as to a transformation of their linguistic worldview under the influence of the Russian religious milieu and historical factors. This study contributes to the understanding of the historical transformation and functioning of certain elements within the Karelian and

Vepsian linguistic worldview. The findings may be utilized in further research on the spiritual culture of these peoples and incorporated into courses on lexicology and dialectology.

Keywords: Karelian language, Vepsian language, nomination, Christian, Human, semantics, morphological derivation, etymology, linguistic worldview

Funding: Research was carried out as part of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, project No. 125032004283-0, “Spiritual Traditions of the Peoples of Karelia: Texts and Contexts”, with the support of the Potanin Foundation.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Balandin D.Yu., Pashkova T.V. Lexical Representations of “Christian” and “Human” in the Vepsian and Karelian Languages. *Finno-Ugric World*. 2026;18(1):45–56. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.045-056>

Введение

Вепсский и карельский языки относятся к прибалтийско-финской группе финно-угорской ветви уральской языковой семьи и функционируют на территории Республики Карелия, Мурманской, Тверской, Новгородской и Ленинградской областей, а также в некоторых регионах Северной Европы в условиях длительного межэтнического взаимодействия, в первую очередь с русским языком и культурой. Одним из ключевых факторов, оказавших влияние на формирование лексической системы и языковой картины мира карелов и вепсов, стала христианизация, начавшаяся в XIII в. В связи с этим особый интерес представляет исследование номинаций, связанных с обозначением христианина, а также их соотношение с общими наименованиями человека.

До настоящего времени за пределами исследовательского внимания оставался вопрос о том, как народ проявляет свое отношение к христианству посредством языковой номинации христиан. Помимо рассмотрения лексем, номинирующих христиан, в рамках работы было решено проанализировать и наименования человека в целом, поскольку между некоторыми лексемами из указанных групп была обнаружена тесная семантическая связь. Цель исследования – выявление, описание и сопоставление номинаций христианина и человека в вепском и карельском языках. Она достигается посредством решения следующих задач: 1) рассмотрение семантики лексем, номинирующих человека и христианина, с опорой на опубликованные лексикографические источники и публицистические, художественные и духовные тексты; 2) проведение семантического, словообразовательного и этимологического анализа собранного языкового материала, а также выявление его этнолингвистических особенностей.

Обзор литературы

Языковая картина мира коренных малочисленных народов Республики Карелия, а именно карелов и вепсов, сохраняющих уникальные элементы финно-угорской идентичности, традиционно привлекает внимание финно-угроведов (И. И. Муллонен [1], Т. В. Пашкова [2; 3], Н. Г. Зайцева [4], О. Ю. Жукова [5], Е. В. Каракин [6], Н. А. Пеллинен [7] и др.). В работах исследователей охватывается широкий спектр проблем: от диалектологии и этнолингвистики до вопросов специфики взаимодействия языческих верований и христианства. Особый интерес вызывает изучение пластов лексики, отражающей духовные, религиозные представления карельского и вепского народов. Их анализ позволяет не только реконструировать историю языков, но и выявить трансформацию культурного самосознания исследуемых народов под влиянием различных факторов, включая многовековой процесс христианизации [8].

Несмотря на значительный объем исследований духовной лексики и языковой картины мира карелов и вепсов, анализ имеющейся научной литературы показал, что вопрос о специфике номинации христианина и его связи с общим обозначением человека в рассматриваемых языках остается недостаточно изученным. В частности, подробно не изучалось расширение значения лексем, изначально обозначавших ‘крещеного человека’ (‘христианина’), до общеупотребительного ‘человек’ или ‘народ’.

Стоит подчеркнуть, что практическая тождественность современного значения некогда семантически различных лексем *ristit* (букв. ‘крещеный’), *mez* и *ristikanz* в вепском языке отмечается в комментарии к разделу, посвященному именованиям человека, в «Лингвистическом атласе вепского языка»¹.

Материалы и методы

В работе использованы описательный, лексикографический и компаративный методы. В ходе исследования лексических единиц были задействованы процедуры семантического, словообразовательного и этимологического анализа. Для представления и первичной обработки языкового материала применялся описательный метод, позволивший дать характеристику отобранным лексемам. Задействование лексикографического метода при работе со словарями и обнаруженными лексемами позволило систематизировать данные о значениях и вариантах слов. Компаративный метод лег в основу сопоставления номинаций в родственных языках, наречиях и диалектах, семантический анализ применялся для выявления расширения значения исследуемых лексем, словообразовательный – для определения их морфологической структуры и способов образования, а этимологический – для установления происхождения слов.

В качестве источников для отбора методом сплошной выборки лексических единиц были привлечены толковые и диалектные словари вепского языка и трех наречий карельского языка, этимологические словари финского языка, карелоязычные и вепсоязычные публицистические, художественные тексты и тексты религиозного содержания (отметим, что среди прочих текстов для исследования привлекались также и изначально набранные на кириллице, однако для простоты восприятия здесь будут приводиться их транслитерированные версии). Сбор лемм осуществлялся также посредством электронных ресурсов: использовались поисковые возможности Открытого корпуса вепского и карельского языков (VepKar)².

Результаты исследования и их обсуждение

В вепском языке центральной лексемой, обозначающей и христианина, и человека вообще, выступает *ristit* (диалектный вариант: *kristit*). На синхронном уровне наблюдается расширение основного значения слова (‘христианин’ → ‘человек вообще’). В карельском языке номинации христианина и человека представлены полисемантической лексемой *henki / hengi / heng* (‘дыхание’, ‘дух, душа, сердце’, ‘христианин, человек’, ‘жизнь’), субстантивированным пассивным причастием *rissitetty / ris't'ittü / rissitty* и композитами *rissittyhenki / rissittyhengi / ris's'it't'yhengi* (букв. ‘крещеный человек’), *ristikansa / ristikanza / ristikanza / ristikanzu / ristikanzo / ristikanz / ristikanze* (рус. ‘крещеный человек, крещеный народ’; на синхронном уровне – ‘человек’). Анализ текстов XIX в. демонстрирует, что лексемы *ristikanzu / ristikanza* изначально имели четкую религиозную коннотацию, однако в современном контексте их значение находится в процессе смещения к обобщенному ‘человек’ или ‘народ’.

¹ Зайцева Н.Г., Муллонен И.И., Мызников С.А., Жукова О.Ю., Бродский И.В. Лингвистический атлас вепского языка (ЛАВЯ). СПб.: Нестор-История; 2019. С. 302.

² Открытый корпус вепского и карельского языков: VepKar. 2009–2022 [Электронный ресурс]. URL: dictorpus.krc.karelia.ru (дата обращения: 30.05.2025).

Представим более детальное описание и анализ лексем со значением ‘человек’ и ‘христианин’.

Henki / hengi / heng (кар.), *heng* (вепс.). Карелоязычные существительные (ск., ливв.) *henki, hengi*; (люд.) *heng(i)*, являющиеся прибалтийско-финским наследием, многозначны. В собственно карельском (ск.), ливвиковском (ливв.) и людиковском (люд.) наречиях их основные значения – ‘дыхание, жизнь; дух; душа, сердце; душа, человек’³. В диалектах вепсского языка наравне с упомянутыми значениями зафиксированы ‘надел души (о земле); штука (о количестве)’⁴.

Однако стоит отметить, что в северно-карельских диалектах (например, Калевальский район) собственно карельского наречия именование *henki* используется и с семантикой ‘христианин’. Согласно данным этимологического словаря финского языка, исконное значение слова *henki* ‘дух, дыхание’ в физическом смысле появилось в духовных текстах М. Агриколы. С распространением христианства данная лексема получила новые значения, включая ‘христианина, крещеного человека’⁵.

Значение ‘человек’ в карельском и вепсском языках также имеют лексем *inehmin’i / inehmine* (кар.), *inehmoi / inehmo* (вепс.) и *mies / mieš / miež* (кар.), *mez’ / mez* (вепс.). Наименование *in’ehmine* является исконно прибалтийско-финским по происхождению и обладает широким ареальным распространением и многочисленными фонетическими вариациями как в карельском, так и финском языке. Семантически лексем также имеют свои особенности: (ск.) *inehmin’i / in’ehmine / inehmin’e / imehn’in’i / in’ehmin’i / in’ehmin’e / ihmine / ihm’in’i / imehmin’e / imehl’in’e / ihm’in’i* ‘1) женщина; 2) человек’; (ливв.) *in’ehmiine / ihmine / inehmine / in’ehmiine* ‘женщина (обычно при обращении)’ (напр., *armas in’ehmiine, avvuta jo* ‘милая женщина, помоги, пожалуйста’; (люд.) *inahmoi, in’ehmin’e* ‘женщина’. В вепсском языке диалектизмы *inehmoi / inehmo* также полисемантически: неповоротливый, ленивый человек; болезненный человек; ругательство в адрес женщины (ср. в диалектах финского языка *ihmeno, imehno, imeno, inehmo, inehminen, inehmino, imehinen, inehminen, inihminen, inhimin, inmihin, inmin, inimäine, inimeine* «1) представитель своего вида, антагонист другим существам; 2) человек; 3) тот, кто поддерживает и соблюдает нормы морали, поведения статуса и пр.; 4) взрослый или ведущий себя соответственно взрослому человеку; здоровый, сильный, бодрый человек; 5) обычно во множественном числе: гость, чужой, внешний (со значением “за пределами своего круга”), другой, иной; свой (и пр.) человек = относящийся к “своим”; 6) обязательный (в случае, когда к чему-то обязывают, принуждают), во множественном числе рабочий коллектив (работники, персонал), помощники (коллектив); 7) при обращении (чаще всего, в восклицаниях); 8) женщина, жена»).

В собственно карельском наречии бытуют лексем *mieš / mies* ‘мужчина; муж; человек’; в ливвиковском наречии – *mies* ‘человек (о мужчине); мужик; братец; мастер делать что-либо, молодец’; в людиковском наречии: *miez* ‘мужчина; муж, супруг; человек’. В вепсском языке слово *mez’ / mez* моносемантически и функционирует только в значении ‘человек’. Рассматриваемая лексема относится к исконно прибалтийско-финскому пласту.

Rissitty (кар.), *ristit / kristit* (вепс.). В словарях и других привлеченных для анализа источниках можно обнаружить более частотную древнюю лексему: субстантивированное пассивное причастие [9] *ristit*⁶ (существует диалектный вариант *kristit*,

³ Федотова В.П., Бойко Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Ижевск: КнигоГрад; 2009. С. 93; Макаров Г.Н. Словарь карельского языка: Ливвиковский диалект. Петрозаводск: Карелия; 1990. С. 64; Puhomov M. Luudi-venan, vena-luudin sanakird’. Людииковско-русский и русско-людииковский словарь: lahes 19 000 sana-artikkelid. Helsingi: Luudilaine Siebr; 2022. С. 43.

⁴ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние; 1972. С. 115.

⁵ Kaisa H. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WSOY; 2007. S. 186.

⁶ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. С. 474.

букв. ‘крещеный’), образованное от глагола *ristta* (или *kristta*; ср. рус. *крест*). Согласно словарям, основное, первое значение слова *ristit* в современном вепсском языке – ‘человек’. Более того, только словарь 1972 г. приводит значение ‘крещеный’ (т. е. христианин) после обозначенного значения ‘человек’, что может свидетельствовать о некогда произошедшем расширении основного значения слова (крещеный человек > всякий человек) вследствие изменений в языковой картине мира вепсов, вызванных ранним взаимодействием с христианской культурой⁷. Вероятно, в определенный исторический период произошла частичная деэтимологизация лексемы, о которой свидетельствуют современные словарные статьи, упускающие значение «крещеный»⁸, публицистические, художественные тексты и тексты духовного содержания:

1) *ristitud* ‘люди’: *Mö tahtoiin starinoita ristituile meiden rahvahas da ozutada, kut kulub vepsän kel’*, – *sanui L’udmila Aleksejeva* «“Мы хотим рассказать людям о нашем народе и продемонстрировать, как звучит вепсский язык”, – сказала Людмила Алексеева»⁹;

2) *ristit* ‘человек’: *Mugoine elo, miččel eläb jogahine ristit* «Такая жизнь, которой живет каждый человек»¹⁰; *Ezmässai hän om olnu ristituiden surmitajan, hän ei püžund todes, sikš miše ei ole hänes tot* «От начала он был человекоубийца (букв. ‘людей убийцей’), он не устоял в истине, ибо нет в нем истины» (Ин. 8:44)¹¹.

Обнаруженное повсеместное употребление *ristit* с семантикой ‘человек’¹² действительно может свидетельствовать о смене основного значения лексической единицы с ‘крещеный (человек)’ на ‘(любой) человек’. И. И. Муллонен в статье, посвященной именованию человека, указывает, что лексемы, обозначающие человека в вепсском языке (*mez’*, *ristit*, *ristikanz*), некогда были семантически различны, о чем свидетельствует их сохранившееся сосуществование, однако эта разница, по-видимому, со временем нивелировалась¹³. Стоит отметить, что на синхронном уровне языка возможно произвести этимологический анализ *ristit* при знании основы слова (*ristitu-*), которая верно указывает на наличие в слове исторического для вепсского языка показателя причастия *-tu*, со временем преобразовавшегося в *-tud* / *-dud* вследствие добавления к показателю причастия финали *-t* / *-d*¹⁴ [9].

Обозначение христианина в вепсском языке (вепс. *ristit* / *kristit*, букв. ‘крещеный’) имеет параллели в карельском, где также используются схожие наименования. Так, например, в «Словаре собственно карельских говоров Карелии» упоминается словосочетание *rissitty henki* (Калевала) ‘христианин’ (букв. *rissitty* ‘крещеный’ (от основы глагола *ristie* ‘крестить’, форма второго пассивного причастия) + *henki* ‘человек’). В этом же источнике удалось зафиксировать композиты *rissittyhenki* (Калевала), *rissittyhengi* (Тикша), *ris š’it t’yhengi* (Тунгуда) ‘христианин’¹⁵, а в «Словаре (ливвиковского наречия) карельского языка»¹⁶ и «Сопоставительно-ономасиологическом словаре...»¹⁷ отдельно присутствует причастие *ris t’ittü* – человек ‘крещеный’.

⁷ Прибалтийско-финские народы России. Отв. ред.: Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука; 2003. С. 426.

⁸ Зайцева Н.Г., Муллонен М.И. Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск: Карелия; 1995. С. 177; Зайцева Н.Г., Муллонен М.И., Жукова О.Ю. Новый русско-вепсский словарь. Петрозаводск: Периодика; 2021. С. 567; Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск: Периодика; 2010. С. 354.

⁹ Baburova G. Aktivistad popul’arizoitaba vepsläšt kul’turad Petroskois [Электронный ресурс]. ВепКар. URL: <https://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/7510> (дата обращения: 30.05.2025).

¹⁰ Zaiceva N. Minun vepsläine oza [Электронный ресурс]. ВепКар. URL: <https://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/7502> (дата обращения: 30.05.2025).

¹¹ Uz’ Zavet vepsän kelel. Петрозаводск; 2006. 622 с.

¹² Зайцева Н.Г., Муллонен И.И., Мызников С.А., Жукова О.Ю., Бродский И.В. Лингвистический атлас вепсского языка (ЛАВЯ). С. 300–301.

¹³ Там же. С. 302.

¹⁴ Зайцева Н.Г. Вепсский глагол: Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика; 2002. С. 101–103.

¹⁵ Федотова В.П., Бойко Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. С. 515.

¹⁶ Макаров Г.Н. Словарь карельского языка: Ливвиковский диалект. С. 308.

¹⁷ Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск; 2007. С. 72.

Также подобное именование (твер.) *rissitety* встречается и в тексте перевода сокращенного катехизиса на карельский (тверской) язык 1804 г.: *Šanomine riähkien on jumalan panoš, kumbazešša rissitetyllä tožimizen šanomizen aigah omie riähkie, i lujan jiaškšiečimizen aigah paremmiin viettiä oma igä jättiäčetah jumalašta riähät papin kautti* «Покаяние есть таинство, в котором *верующему* (букв. крещеному), при истинном признании своих грехов и при твердом намерении исправнее вести свою жизнь, отпускаются от Бога грехи чрез служителя Христова»¹⁸.

Можно предположить, что в карельском и вепском языках данное явление сходно с изменением и расширением значения лексемы ‘крестьянин’ (так или иначе заимствованной в русский язык из древнегреческого или латинского языка в значении ‘христианин’¹⁹). В русском языке становление семантики лексемы ‘крестьянин’ происходило, очевидно, следующим образом: ‘христианин’ > ‘человек вообще’ > (с конца XIV в.) ‘крестьянин’²⁰; ‘крестьянин’ – ‘христианин; человек’²¹, затем уже только «той, кто занят обработкой земли как основной профессией, земледелец»²²). То же можно наблюдать и во французском («chrétien / chrétienne (fem.)»; «Individu; homme quelconque; femme»²³, рус. «(любой) человек», от лат. christianus), итальянском («christiano» – «христианин | человек вообще»²⁴) и, возможно, в других романских языках.

При переводе библейских текстов Нового Завета на собственно карельское наречие карельского языка для обозначения христианина использовалась лемма *rissitty*: *Juuri Antiohija oli še paikka, missä enšimmäksi alettih opašsettavie kuččuo rissityiksi* «И ученики в Антиохии в первый раз стали называться *Христианами*» (Деян. 11:26)²⁵. Из этого следует, что по крайней мере в литературном собственно карельском наречии карельского языка лексема *rissitty* (крещеный, христианин) сохранила свое исходное значение.

Ristikanzha / ristikanzu / ristikanze (кар.). Примечательно, что в словарной статье, посвященной наименованию человека, во всех трех наречиях карельского языка предлагается известное слово *ristikanša / ristikanzha / riščikanza / ristikanza / ristikanzu / rištikanzu / ristikanza / ristikanzo / ristikanz / ristikanze* (букв. *risti / rišti / rišči* ‘крест’ + *kansa / kanzu / kanzo / kanz* (и др. вариации) ‘народ’) в сопоставлении с финноязычной лексемой *ristikansa* с семантикой ‘христиане’²⁶. Стоит отметить, что в «Словаре собственно карельских говоров Карелии»²⁷ основным значением *rist’ikanša* (фонетические вариации: *rišt’ikanža / rist’ikanža*) все же указывается ‘крещеный’, а в «Словаре карельского языка (тверские говоры)»²⁸ находится следующий пример к лексеме *rišt’ikanža*: *ris’t’i pane kaglah, n’in l’ien’et rišt’ikanža* «надень крест на шею, тогда будешь *человеком ‘крещеным’*». Примечательно, что в вепском языке диалектизм *ristikanz* бытует со значением ‘член семьи’²⁹.

В привлеченных для анализа образцах речи, современных публицистических текстах на карельском языке указанные выше лексемы используются для именовании человека самого по себе или народа:

¹⁸ Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык. СПб.; 1804. С. 11–29.

¹⁹ Этимологический словарь русского языка. Т. 2, вып. 8: К. Под руководством и ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во Моск. ун-та; 1982. С. 388–389.

²⁰ Там же.

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2: Е – Муж. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс; 1986. С. 374–375.

²² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л. И. Скворцова; 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование; 2019. С. 465.

²³ *Französisches etymologisches Wörterbuch*. URL: <https://lecteur-few.atilf.fr/index.php/page/view> (дата обращения: 30.05.2025).

²⁴ Словарь итальянско-русский, составленный Д. де Виво, лектором Импер. Новороссийского университета и Одесского коммерческого училища. Одесса: Тип. А. Шульце; 1894. С. 169.

²⁵ Uuši Šana. Helsinki: Piiplijankiännöšinstituutti; 2011. 638 s.

²⁶ Сопоставительно-ономастологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков. Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. С. 72–73.

²⁷ Федотова В.П., Бойко Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. С. 241.

²⁸ Пунжина А.В. Словарь карельского языка: Тверские говоры. URL: <https://punzhina.krc.karelia.ru/> (дата обращения: 30.05.2025).

²⁹ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. С. 474.

(ливв.) *Nägü lindu lennändē müö, ristikanzu tabā müöte* «Птицу узнают по полету, а человека по характеру»; *Elostu rištikansu sit kittē, konsu roih kablukat lawčal, nenä pal'čal* «Человек хвалит жизнь тогда, когда каблуки будут на лавке, нос на полке»; *Vot mindäh hüö ammutah kaikkii bol'seviekoi, kudamat ni midä muwdu ei tahtota ku-vai andua ristittüzien jütüs elo-aigu kaikile ruadaile* «Вот почему они расстреливают всех большевиков, которые ничего другого не хотят, кроме как обеспечить всем трудящимся человеческую жизнь»³⁰;

(новописьм. твер.) *Mie rubein paremmin maltamah, kuin kallis' on oma kieli da kul'tura jogo ristikanžalla* «Я стала лучше понимать, как важен родной язык и культура каждого народа»³¹.

Примечательно, что в памятниках карельской письменности начала XIX в. и в некоторых записанных сказках лексические единицы (ливв.) *ristikanzu*, (твер.) *ristikanža* обозначают именно христиан / крещеных людей:

(ливв.) *Enzimäine Kyzyndy. Midä myö sinä sanottos ristikanzu? Sanon. Sidä myö, mi minä uskon jumalah mejjän spuasale syndyle, i pien hänen pyhitetyn zakonan* «Первый вопрос. Почему ты называешься христианином? Ответ. Потому, что я верую в Господа нашего Иисуса Христа, и содержу Его святой закон»³²;

(твер.) *Kyžymine. Midä myöten šie nimittäliečet ristikanžakši? Šanomine. Šidä myöten, mintäh vierüičen Herrah miän šuurišyndyöh i kuundelen hänen sv'atoida käššendiä* «Вопрос. Почему ты называешься христианином? Ответ. Потому, что я верую в Господа нашего Иисуса Христа, и содержу Его святой закон»³³;

(ск., паданский диалект) *Hiän ku sin mäni dai kirgu, sieldä tuldih nečistoit diemanat, tuldih ku loajittih lomineh sinččoh: erähät dāräheldih purahih, keihähih da lomuh, a erähät kiännyttih tagazin, a naini vuottau sidä ukkuodah ovihavošša pihet keeššä. Mieš ku oven avai, hiän pihtimillä liččooldi, sen ku liččai, se halgoksi i muuttui. Hiän otti da päččih i čokkai i šano: – Ku ollet ristikanža, ni tule, ku et olle, ni elä tule* «Он как пошел да позвал, оттуда пришли нечистые демоны, пришли и такой шум подняли в сенях: одни натыкались на копыя и ломы, а другие поворачивали обратно, а жена ждет мужа у дверей с щипцами в руках. Муж как открыл дверь, она его щипцами зажала; она как зажала, – он поленом и обернулся. Она взяла да в печь сунула и сказала: – Если крещеный, то выходи, а если некрещеный, то не выходи»³⁴.

Кроме этого, в карельском и вепском языках зафиксирован один неологизм, прямо номинирующий христианина.

Hristossalaine (кар.), *hristosalaine* (вепс.). В современных переводах Нового Завета на карельский язык для обозначения христиан в ливвиковском наречии³⁵ используется лексема *hristossalaine*: *No gu kedä gor'evutetanneh sendäh, gu häi on hristossalaine, anna ei huijüstai, a kiittäy Jumalua tämän nimen täh* «А если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Пет. 4:16)³⁶. Данное наименование образовано посредством суффикса *-laine* со значением рода деятельности, места жительства³⁷ от производящей основы существительного *Hristos* (*hristossa*-).

В вепском языке в переводе Нового Завета также используется образованная таким же образом лексема *hristosalaine* (1 Пет. 4:16; Деян. 11:26; 26:28)³⁸.

³⁰ Макаров Г.Н. Образцы карельской речи: Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние; 1969. 283 с.

³¹ Suhanova O. "Oman koin ikkunat" – uuzi kniiga tverinkarielakši [Электронный ресурс]. ВепКар. URL: <https://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4151> (дата обращения: 30.05.2025).

³² Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на олонезком языке. СПб.: Синод. тип.; 1804. С. 8–24.

³³ Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык. С. 11–29.

³⁴ Конкка У.С. Карельские народные сказки. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР; 1963. С. 132–140.

³⁵ Данная лексема не зафиксирована в диалектных и новописьменных словарях карельского языка и в образцах карельской речи.

³⁶ Uuzi Sana. Helsinki: Biblienkiännändüinstituuttu; 2003. 401 s.

³⁷ Зайков П.М., Ругоева Л. Карельско-русский словарь (Сев.-карел. диалекты). Петрозаводск: Периодика; 1999. С. 104; Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik: nimiden kändluz. Petroskoi: Petroskoin valtiopiston kustantamo; 1995. L. 85–86.

³⁸ Uz' Zavet vepsän keel. 622 с.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности номинаций христианина и человека в вепском и карельском языках, а также проследить их эволюцию в контексте языковой картины мира данных этносов.

В вепском языке центральной лексемой, обозначающей и христианина, и человека вообще, выступает *ristit* (диалектный вариант: *kristit*), исторически восходящее к пассивному причастию от глагола *ristta* (*kristta*; рус. ‘крестить’). На синхронном уровне наблюдается расширение основного значения слова: первоначальное значение ‘крещеный (человек)’ трансформировалось в общеупотребительное ‘(всякий) человек’, что подтверждается словарными статьями и примерами из публицистических, художественных и религиозных текстов (в том числе и самим существованием лексемы *hristosalaine* в современном переводе Нового Завета). Данный процесс, вероятно, обусловлен длительным взаимодействием вепской культуры с христианской традицией, приведшим к частичной деэтимологизации лексемы и ее интеграции в повседневную лексику. Параллели с русским ‘крестьянин’ и романскими аналогами (фр. *chrétien* / *chrétienne* (fem.), итал. *christiano*) указывают на вероятную универсальность подобных семантических сдвигов в контексте христианизации.

В карельском языке номинации христианина и человека представлены полисемантической лексемой *henki* / *hengi* / *heng* (‘дыхание’, ‘дух, душа, сердце’, ‘христианин, человек’, ‘жизнь’), субстантивированным пассивным причастием *rissitetty* / *ris’ittü* / *rissitty* и композитами *rissittyhenki* / *rissityhengi* / *ris’s’itt’yhengi* (букв. ‘крещеный человек’), *ristikansa* / *ristikanza* / *ristikanza* / *ristikanzu* / *ristikanzo* / *ristikanz* / *ristikanze* (рус. ‘крещеный человек, крещеный народ’; на синхронном уровне – ‘человек’). Анализ текстов XIX в. демонстрирует, что слова (ливв.) *ristikanzu* и (твер.) *ristikanža* изначально имели четкую религиозную коннотацию, однако в современных контекстах их значение находится в процессе смещения к обобщенному ‘человек’ или ‘народ’. Также в переводах на карельский язык Нового Завета отмечается использование неологизма, предположительно, заимствования из русского языка (лит. ливв. *hristosalaine*), что может являться следствием влияния русской религиозной культуры в процессе аккультурации.

Общей тенденцией для обоих языков является нивелирование, затемнение религиозной семантики более древних частотных номинаций христиан (‘христианин’ → → ‘человек вообще’), что может быть связано с многовековым процессом христианизации, приведшим к переосмыслению ключевых концептов христианства в языковом сознании. Частичная деэтимологизация лексем (утрата связи с производящей основой *rist-* – ‘крест’) и их переход в общеупотребительную лексику, вероятно, свидетельствуют о глубокой интеграции христианских идей в повседневную жизнь вепсов и карелов, а также о трансформации их языковой картины мира под влиянием религиозной среды и исторических факторов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Вепс. – вепский язык; итал. – итальянский язык; кар. – карельский язык; лат. – латинский язык; ливв. – ливвиковское наречие карельского языка; лит. – литературная норма; люд. – людиковское наречие карельского языка; рус. – русский язык; ск. – собственно карельское наречие карельского языка; твер. – тверской диалект собственно карельского наречия карельского языка; фр. – французский язык.

ABBREVIATIONS

Вепс. – Veps language; итал. – Italian language; кар. – Karelian language; лат. – Latin language; ливв. – Livvi dialect of the Karelian language; лит. – literary standard; люд. – Ludic dialect of the Karelian language; рус. – Russian language; ск. – Proper Karelian dialect of the Karelian language; твер. – Tver dialect of the Proper Karelian dialect of the Karelian language; фр. – French language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муллонен И.И., Пашкова Т.В. Семантическая модель «усердный» в прибалтийско-финских языках. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2020;14(2):214–221. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/5324> (дата обращения: 30.05.2025).
2. Пашкова Т.В. Лексема Jumal ‘Бог’ в карельском языке: лингвокультурологический аспект. *Вестник угроведения*. 2024;14(1):78–86. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-1-78-86>
3. Баландин Д.Ю., Пашкова Т.В. Вербализация концепта «синагога» в Евангелиях по Матфею и по Марку на вепском и карельском языках. *Linguistica Uralica LX*. 2024;60(4):296–304. <https://doi.org/10.3176/lu.2024.4.03>
4. Зайцева Н.Г. Христианская терминология в контексте вепской лингвистики: вепское vs русское (этимологический и лингвогеографический аспекты). *Язык и культура*. 2019;(48):121–136. <https://doi.org/10.17223/19996195/48/8>
5. Жукова О.Ю. Образ дома в вепских обрядовых плачах. В: Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск; 2005. С. 394–397. URL: <https://csl.isc.irk.ru/BD/Books/Межкультурные.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).
6. Каракин Е.В., Пашкова Т.В. Красный цвет в лингво- и этнокультуре карелов. *Финно-угорский мир*. 2023;15(3):334–342. URL: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/4684> (дата обращения: 30.05.2025).
7. Пеллинен Н.А. О некоторых особенностях языка карельской колыбельной песни в связи с народной педагогией. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010;(1):70–74. <https://elibrary.ru/muerlp>
8. Кочуркина С.И., Петрова М.И. Крещение карелов. Историко-археологические источники и их интерпретация. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2024;(3):133–143. <https://doi.org/10.25986/IRI.2024.97.3.012>
9. Кошелева М.В. Показатели причастия в вепском языке: между именем и глаголом. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2018;12(2):19–27. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2403> (дата обращения: 30.05.2025).

Об авторах:

Баландин Даниил Юрьевич, преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводского государственного университета (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33); младший научный сотрудник междисциплинарного научно-образовательного центра NORDICA Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (185000, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0052-025X>, SPIN-код: 7480-2928, idann205@gmail.com

Пашкова Татьяна Владимировна, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводского государственного университета (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>, SPIN-код: 9866-8566, tvrashkova05@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Д. Ю. Баландин – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Т. В. Пашкова – формулирование идеи исследования, целей и задач; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 16.06.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

REFERENCES

1. Mullonen I.I., Pashkova T.V. Semantic Model “Diligent” in the Baltic-Finnic Languages. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020;14(2):214–221. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/5324> (accessed 30.05.2025).
2. Pashkova T.V. The Lexeme Jumal ‘God’ in the Karelian Language: Linguocultural Aspect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(1):78–86. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-1-78-86>
3. Balandin D.Yu., Pashkova T.V. Verbalization of the Concept “Synagogue” in the Veps and Karelian Gospels of Matthew and Mark. *Linguistica Uralica LX*. 2024;60(4):296–304. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.3176/lu.2024.4.03>
4. Zaitseva N.G. Christian Terminology in the Context of Vepsian Linguistics: Vepsian vs Russian (Linguogeographical and Etymological Aspects). *Language and Culture*. 2019;(48):121–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19996195/48/8>
5. Zhukova O.Y. [The Image of the House in the Vepsian Ritual Lamentations]. In: [Intercultural Interactions in the Multiethnic Space of the Border Region: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. Petrozavodsk; 2005. P. 394–397. (In Russ.) Available at: <https://cs1.isc.irk.ru/BD/Books/Межкультурные.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).
6. Karakin J.V., Pashkova T.V. Red Color in the Linguo- and Ethnoculture of the Karelians. *Finno-Ugric World*. 2023;15(3):334–342. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/4684> (accessed 30.05.2025).
7. Pellinen N.A. [On Some Features of the Language of the Karelian Lullaby Song in Connection with Folk Pedagogy]. Proceedings of Voronezh State University. Ser.: Linguistics and Intercultural Communication. 2010;(1):70–74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/muerlp>
8. Kochkurkina S.I., Petrova M.I. Baptism of the Karelians. Historical and Archaeological Sources. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2024;(3):133–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25986/IRI.2024.97.3.012>
9. Kosheleva M.V. Participle Affixes in the Vepsian Language: Between Noun and Verb. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2018;12(2):19–27. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2403> (accessed 30.05.2025).

Information about the authors:

Daniil Yu. Balandin, Lecturer of the Department of Baltic-Finnish Philology, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (33 Lenin Prospekt, Petrozavodsk 185910, Russian Federation); Junior Research Fellow of the NORDICA Research and Educational Centre, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0052-025X>, SPIN-code: 7480-2928, idann205@gmail.com

Tatyana V. Pashkova, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Baltic-Finnish Philology, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (33 Lenin Prospekt, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>, SPIN-code: 9866-8566, tvpashkova05@mail.ru

Authors' contribution:

D. Yu. Balandin – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); development of methodology; conducting a research and investigation process, specifically performing the data; verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research.

T. V. Pashkova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; conducting a research and investigation process, specifically performing the data; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages; verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 16.06.2025; revised 26.08.2025; accepted 03.09.2025.